

філасофская канцэпцыя быцця чалавека, у якой бачыцца алюзія да Эклезіяста: нічога новага пад Сонцам няма, што было, тое і будзе, толькі вяртанне адбудзеца ў новых абставінах.

Рамантызацыя гісторыі – гэта падмурак творчага метаду Л. Дайнекі, які праз узнаўленне мінулага разважае над сучасным станам айчыны. Лісоўчыкі, на думку аўтара, – баявое рамантычнае брацтва, падобна рыцарам-тампліерам, лісоўчыкі не пакідалі параненых на полі бою, імчаліся на адным кані, былі няўлоўнымі, пастаянна мянялі тактыку і мелі дэвізам словы “Вера і адвага”.

Праведзены літаратуразнаўчы аналіз мастацкіх твораў замежных і айчынных пісьменнікаў, якія звярнуліся да асэнсавання ролі і месца асобы літвінскага шляхціча А. Лісоўскага і дзейнасці яго атрадаў, дазваляе выказаць меркаванне пра індывідуальна-аўтарскі падыход кожнага літаратара да гісторыі Смутнага часу і ўдзелу лісоўчыкаў у рэйдах на землі Маскоўскай дзяржавы. Так, у раманах рускіх пісьменнікаў XIX стагоддзя вобраз палкоўніка Лісоўскага не стаў цэнтральным, ацэнка героя стрыманая, аднак не пазбаўленая прызнання ваеннага таленту, смеласці, мужнасці, розуму. У польскамоўных мастацкіх крыніцах асоба А. Лісоўскага становіцца аб’ектам для больш дэталёвага асэнсавання: пісьменнікі трактуюць героя рыцарам, здольным стратэгам і тактыкам, моцным лідарам і улюбёнцам лёсу. Вобраз А. Лісоўскага ў раманах Л. Дайнекі мае падмурам рамантызацыю гісторыі ўвогуле і асобы героя ў прыватнасці. Для пісьменніка важна паказаць непарарывнасць спрадвечных традыцый і духоўнай павязі сучаснікаў і продкаў.

1. Бестужев-Марлинский, А. А. Ревельский турнир : ист. повести / А. А. Бестужев-Марлинский ; сост. В. И. Сахаров. – М. : Сов. Россия, 1984. – 317 с.
2. Дайнека, Л. Пра лісоўчыка, злога хлопчыка / Л. Дайнека // Дзеяслоў. – 2010. – № 1 (44). – С. 15–75 ; Дайнека, Л. Пра лісоўчыка, злога хлопчыка / Л. Дайнека // Дзеяслоў. – 2010. – № 2. – С. 13–76 ; Дайнека, Л. Пра лісоўчыка, злога хлопчыка / Л. Дайнека // Дзеяслоў. – 2010. – № 3. – С. 13–66.
3. Загоскин, М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году : ист. роман / М. Н. Загоскин. – М. : Правда, 1989. – 320 с.
4. Зорин, А. В. “Аспиды Лисовского” (1616–1618) / А. В. Зорин // Сіверщина в історыі Украіны : зб. наук. пр. – К. : Глухів, 2010. – Вып. 3. – С. 124–133.
5. Лаўрык, Т. Адлюстраванне эпохі праўлення Жыгімонта II Вазы ў раманах Л. Дайнекі “Пра лісоўчыка, злога хлопчыка” / Т. Лаўрык // Беларуская-польская моўная, літаратурная, гістарычная і культурная сувязі. Да 220-годдзя з дня нараджэння Адама Міцкевіча : зб. арт. па матэрыялах міжнар. навук. канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : І. Э. Багдановіч (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. І. Э. Багдановіч, М. І. Свістунвай. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 364–373.
6. Dzieduszycki, M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczyków / M. Dzieduszycki. – T. I. – Lwów, 1843.
7. Korzkowicz, K. Jeźdźcy Apokalipsy / K. Korzkowicz. – Warszawa : Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990. – 722 s.
8. Ossendowski, F. A. Lisowczycy. Powieść historyczna / F. A. Ossendowski. – Poznań : Wydawnictwo Polskie R. Wegnera, 1929. – 277 s.
9. W. L. Lisowczycki // Homan. – 1916. – № 18.

Солодкин Я. Г.

НАСКОЛЬКО ДОСТОВЕРНЫ ИЗВЕСТИЯ КУНГУРСКОГО ЛЕТОПИСЦА О ПОХОДЕ ЕРМАКОВЦЕВ В ОБЬ-ИРТЫШЬЕ?

Как выяснил уже Г. Ф. Миллер, в составе ремезовской «Истории Сибирской» имеется повествование о «Ермаковой эпопее» Кунгурский летописец (далее – КЛ). (Отождествлять эти произведения [7, с. 10] или считать, будто второе из них обнаружил А. А. Дмитриев [18, с. 18, и др.], не приходится). КЛ почти единодушно, например, С. В. Бахрушиным, Д. С. Лихачевым, Е. И. Дергачевой-Скоп, В. Н. Алексеевым, Р. Г. Скрынниковым, Е. К. Ромодановской, М. А. Деминым, В. В. Блаже-сом, признается казачьим, «устным», близким к фольклору казаков или отражающим их эпос, видимо, камской вольницы.

Согласно КЛ (причислять его, как поступила Е. К. Ромодановская, к кругу сибирских летописей не стоит), 5 марта 1582 г. Ермак из занятого им Искера или Кашлыка, накануне служившего столицей Кучума, послал вниз по Иртышу в демьянские и назымские городки и волости пятидесятника Богдана Брязгу с полусотней казаков «пленить и привести к вере, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно». (Насколько известно, волости существовали в «улусах» Сибирского ханства, населенных татарами; исключение составляла хантыйская Тарханская или Тарханная волость, смежная с ареалом проживания татар [6, с. 773, 776; 7, с. 202, 204; 18, с. 72, 90, 304, и др.]). Далее на «вставных листах» из «Тобольского летописца» (если следовать определению Г. Ф. Миллера) рассказывается о том, что на конях русский отряд вышел к устью Демьянки (ранее в соответствии с другими источниками речь идет о стругах, на которых атаманы и казаки попали в Сибирь), три дня безуспешно «приступал» к «великому и крепкому городу» князя Демаяна, где собрались «с две тысячи татар, остяков и вогулов» (эта цифра, вопреки представлению ряда исследователей [18, с. 138, и др.], скорее всего сильно завышена). Но когда многие из них разбежались (почему, не говорится), Брязга и его «товарищи» собрали ясак и на легких стругах «поплыша вниз», 20 мая «доплыша до Самара», в «сборе» с которым (подобно Демаяну) находились еще восемь князцов. (Они составляли в оценке

С. В. Бахрушина и Е. П. Мартыновой племенное объединение или военно-политический союз на время боевых действий, а на взгляд А. Т. Шашкова, – белогорскую конфедерацию). В воскресный день, оказывается, русские «приплыша протокою под самый Самар городок», где застали немало остяков «на карауле спящих», т. е. врасплох (что кажется маловероятным), и застрелили «из ружья Самару и с родом его». Известно, однако, что остался в живых сын белогорского правителя Таир, наследовавший отцовские владения, в документах упоминается и внук Самара Байболак [см., напр.: 2, с. 55, 140; 4, с. 387 – 388, 404, 421, 422, 426, 427; 15, с. 155 – 161, 166, и др.]. Учтем и то, что Иртыш и «великая» Обь освобождаются ото льда «на лето» [11, с. 133, ср. с. 136], иначе говоря, с наступлением лета [9, с. 92; 10, с. 119, и др.] или в конце весны, так что едва ли «ермаковы казаки» могли выступить от устья Демьянки к Самарову городку раньше. Уцелевшие остяки, если верить КЛ, опять разбежались, часть из них «принесоша ясак с поклоном и шертовали». Брязга, назначив «большим князем» властителя Коды Алача, двинулся на Обь и остановился на Белогорье, где располагалось остяцкое «молбище» «богине древней». Не застав местных жителей, казаки, «пождав на месте три дни» (это традиционное эпическое определение часто встречается в Ремезовской летописи), отправились в обратный путь «по погромленным городком» «в цветном платье (которое, получается, взяли с собой в поход. – Я. С.), чтуще честь, царскаго величества славу», иначе говоря, представляя перед «иноземцами» российского государя (в чем некоторые современные исследователи не сомневаются [5, с. 356 – 357]), и 29 мая «в радости», «с есаком» вернулись к своему предводителю в «град Сибирь» [13, с. 335 – 336, 426]. Однако тогда казаки вряд ли выполняли волю московского самодержца, ведь экспедицию за Урал они предприняли по решению войскового круга; и во время этой экспедиции сохранялась «обязательность коллективного решения» «товарства» [1, с. 76 – 77; 18, с. 256, ср. с. 130]. «Цветное платье» же по торжественным случаям надевали служилые люди, начиная с воевод и голов [16, с. 101, 105, и др.]. Известие одной сравнительно поздней челобитной (о которой речь пойдет следом), что на Белогорье ермаковцы привели «иноземцев» «под государеву руку» [12, с. 380; 14, с. 67], думается, отражает практику, сложившуюся не ранее осени 1585 г., когда казаки и стрельцы под началом воеводы И. А. Мансурова приступили к объясачиванию «остяцкой страны». (Утверждение, будто на Оби сподвижники «ратоборного» атамана приняли присягу князьков «быть в подданстве московских царей» [3, с. 114; ср. 5, с. 174, 240], думается, нельзя рассматривать всерьез).

Еще Н. М. Карамзин считал, что согласно «достоверным летописям» (в первую очередь имелась в виду Строгановская), у северных рубежей Сибирского ханства действовал не Богдан Брязга, а «наставник» «единомысленной» «дружины», обратившей в бегство Кучума. Она, как позволяют считать синодик «ермаковым казакам» (далее – С) и Погодинский летописец, лишилась Брязги (Брюзги) еще в сражении у Чувашева мыса или, что вероятнее, близ Абалака, т. е. в октябре либо начале декабря 1582 г. [11, с. 132, 380, ср. с. 78; 14, с. 70, 226] – на несколько месяцев раньше, чем «православные вои» двинулись в низовья Оби.

Заметим, что вопреки С в редакции, найденной Е. К. Ромодановской, где перечислены шестнадцать участников этого похода, причем «с дружиною» [11, с. 380, ср. с. 78], то, как утверждает в КЛ, там никого не убили, хотя ранены, и многократно, оказывается, были все.

На основании С можно заключить, что в «хождении» в низовья Иртыша и Оби «русский полк» достиг Назимского или Назымского городка. О его захвате казаками, подчас со всем богатством и князем (князцами), сказано и в многочисленных редакциях Есиповской и Строгановской летописей, а также «Истории Сибирской». При этом как о Самаровском городке, так и о Белогорье тобольские и сольвычегодские книжники умалчивают.

Приведенный рассказ КЛ, возникшего скорее всего в последних десятилетиях XVII в., ранее мы склонны были признать недостоверным, запечатлевшим вымышленные события или обстоятельства «пошества» ермаковцев в Югорскую землю [16, с. 88 – 90, 92, 96, 110; 17, с. 6, 81 – 83, ср. с. 79]. Но он отчасти подтверждается единственным очутившимся в распоряжении историков документом, сообщающим о белогорской экспедиции, – челобитной тобольского служилого человека Степана Карпова (1668 г.), где говорится об участии в этой экспедиции его деда Сергея Зиновьева, затем убитого при пленении царевича Маметкула [12, с. 380; 14, с. 67, и др.]. Видимо, ермаковцы «повоевали» «низовых» остяков вслед за «взятием» султана, считающегося лучшим ханским полководцем [см., напр.: 7, с. 129; 11, с. 58 – 60, 94, 133, 134; 13, с. 27 – 29, 72 – 74]. Но Карпову гибель деда при захвате в плен сибирского царевича могла казаться важнее участия Зиновьева в «хождении» на Белогорье. (В С имя этого казака среди павших в Обь-Иртышь не встречается). Возможно, Зиновьев вначале вместе с другими «резвыми воями» пленил Маметкула, а затем отправился в поход к «городкам и улусам», – в поход, ставший для Сергея роковым. Не исключено, что за 85 лет, разделяющих его гибель и составление челобитной Карпова, кто-то из потомков ермаковца перепутал последовательность указанных событий «Сибирского взятия».

Судя по этой челобитной, возможно, у Зиновьева за несколько лет до казачьей экспедиции в Сибирь родилась дочь, которая, очутившись в «далечайшей вотчине» московских государей, стала женой служилого человека. От него либо, что менее вероятно, кого-то из соратников деда, если не прадеда (напомним, что У. Кузьмин – внук «Ермакова товарища» С. Шемелина – бил челом молодому царю в конце 1646 или начале следующего года [8, с. 24 – 26]), тоболяк, обратившийся с просьбой к Алексею Михайловичу, и узнал о белогорском походе соратников прославленного атamana и пленении ими ханского племянника.

Челобитная С. Карпова содержит известие о пленении Маметкула «под Сырьяном» (едва ли на Исети, где позднее располагалась Сынрянская волость [см., напр. : 18, с. 316, 318 – 320]), а не у Вагая или в Куларово (Куларах), о чем говорится в других источниках [11, с. 58, 74, 133; 13, с. 27, 72, 309, 338, 429, 543, и др.]. Это обстоятельство склоняет к мысли о том, что при составлении «прошения» «тишайшему царю» потомок Зиновьева мог следовать и послужному списку отца.

Если интересующее нас известие челобитной Карпова хотя бы наполовину достоверно, то сохранный КЛ рассказ о казачьей экспедиции, завершившейся у святыща «шайтана» возле слияния Иртыша и Оби, не приходится, как и отмечалось А. В. Матвеевым, считать целиком вымышленным [15, с. 120]. Но хотя в этом рассказе могли найти отражение свидетельства ранних источников, они скорее всего тоже бытовали в устной форме, если вспомнить о челобитной С. Карпова (прежде не обращавшей на себя должного внимания историков). Кроме того, о чем в 1675 г. сообщал Н. М. Спафарий, Самаровский ям «потому словет, что был остяцкий князь в том месте именем Самары, так же и городок выкопан на высоких горах»; в 1740 г. об этом писал и Г. Ф. Миллер [18, с. 190].

1. Александров, В. А. Власть и общество. Сибирь в XVII в. / В. А. Александров, Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1991. – 401 с.
2. Бахрушин, С. В. Научные труды / С. В. Бахрушин. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. – Т. III. – Ч. 2. – 299 с.
3. Бучинский, П. Н. Соч. : в 2-х т. / П. Н. Бучинский. – Тюмень, 1999. – Т. 2. – 328 с.
4. Вершинин, Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. / Е. В. Вершинин. – Екатеринбург : Изд-во Демидовского института, 2018. – 504 с.
5. Зуев, А. С. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в состав Российского государства в конце XVI – начале XVIII в. / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина. – Новосибирск : ИПЦ Новосиб. гос. ун-та, 2017. – 444 с.
6. История татар с древнейших времен: в семи томах. – Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. IV : Татарские государства XV–XVIII вв. – 1080 с.
7. История татар с древнейших времен: в семи томах. – Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. V : Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). – 1031 с.
8. Оглоблин, Н. К вопросу о христианском имени Ермака / Н. Оглоблин // Библиограф. – 1894. – Вып. 1. – С. 23–26.
9. Очерки истории Коды. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 1995. – 189 с.
10. Очерки истории Югры. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 2000. – 407 с.
11. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
12. Преображенский, А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России / А. А. Преображенский // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М. В. Нечкиной. – М. : Наука, 1976. – С. 376 – 384.
13. Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 10 + 1 + XXXI + 1 + 645 с.
14. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / Р. Г. Скрынников. – 2-е изд., испр., доп. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 318 с.
15. Со времен князя Самара. В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 182 с.
16. Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 234 с.
17. Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения / Я. Г. Солодкин. – Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. – 170 с.
18. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та. – 560 с.

Башнин Н. В.

ФОРМУЛЯР ОПИСАНИЯ КАБАЛ В ОПИСЯХ КАЗНЫ ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.¹

В данной статье внимание будет сосредоточено на кабалах, сведения о которых были зафиксированы в описи казны Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1676 г. [2, с. 135–155]. Описание имущества было проведено игуменом Ефремом «с товарищи» 10 ноября 1676 г. по указу архиепископа Вологодского и Белозерского Симона после отставки казначея старца Иосифа Васильева. В ведение нового казначея – старца Никона из Подольного монастыря и дьяка сына боярского Ивана Аленева были переданы различные ценности и документы, среди которых было более 260 кабал. При передаче долговые документы (некоторые из них названы заемными памятями)

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 20–78–10060.